Н. А. Трофимова[1]

ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ПОРИЦАНИИ

Порицание является речевым актом, выражающим отрицательную оценку небенефактивных для говорящего действий собеседника, каузирующим состояние эмоционального дискомфорта у партнера и интендирующим изменение поведения адресата в лучшую сторону.

Форму речевого акта порицания следует признать имплицитно-перформативной, поскольку среди большого количества и разнообразия высказываний порицания лишь в исключительных случаях встречаются высказывания с перформативными глаголами *tadeln, beschuldigen, vorwerfen, kritisieren*, которые наиболее полно выражали бы интенциональный смысл порицания. Будучи «прагматически здоровым» членом языкового коллектива, говорящий сознает «самоубийственность» перформативного порицания и страхуется от его инициации употреблением замаскированных, скрытых форм его выражения.

Ядром высказываний порицания, представленных только пропозициональной частью, составляют обще- и частнооценочные слова и предикаты, краткой характеристике функционирования одного из классов которых – оценочных существительных - и посвящена настоящая статья.

Отрицательно-оценочные существительные широко употребляются в порицательной функции, по частотности они преобладают среди слов, служащих для выражения отрицательной эмоциональной оценки. Это объясняется тем, что существительные, выполняя назывную функцию, могут выражать не только простые свойства, качества и состояния, но и выражать гораздо более сложные понятия. «Существительное предметно и поэтому конкретнее, индивидуальнее, живее, чем прилагательное, силач кажется как будто сильнее, толстяк - толще, богач - богаче, крикун - крикливее, чем

[1] **Трофимова Нелли Аркадьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка СПбГУ, докторант кафедры германской филологии РГПУ им. А.И. Герцена.

сильный, толстый, богатый, крикливый». Прибавление слова «человек» снижает степень интенсивности признака [Пешковский 1930: 153].

Оценочный потенциал существительных, используемых для выражения отрицательного отношения к адресату или его действиям, неравнозначен. В высказываниях порицания используются, в первую очередь, собственно оценочные существительные *Sauerei, Schweinerei, Gemeinheit, Mist, Unverschämtheit, Ungeheuerlichkeit, Wahnsinn, Schande,* цель такой оценки – сформировать отношение, мнение, оказать на адресата воздействие: *Schweinerei, verdammte! Die Kerle rauchen! Soll der ganze Wald in die Luft fliegen? (Noll)* – назначение ценностного суждения, мотив которого включен в аргументативную часть высказывания (*Das Rauchen der Kerle kann die Explosion verursachen*), - не сообщение о факте курения адресатов (что было бы совершенно избыточным при его очевидности), а оказание влияния – побуждение прекратить опасное для всех присутствующих действие.

Все высказывание порицания может быть сведено к одному оценочному предикату, выраженному общеоценочным существительным, гальванизирующим порицание: *Sauerei! Mistloch! (Noll)* – порицание за беспорядок в солдатской казарме. Оценка не поясняется говорящим, поскольку аксиологическая квалификация однозначно конкретизируется в применении к данной ситуации. Оценочное по форме высказывание лишается своей информативности и его функции ограничиваются иллокутивными целями – выражением порицания и стремлением произвести воздействие на адресатов.

Частнооценочные существительные, употребляемые в высказываниях порицания, являются показателем многогранности и противоречивости человека, квалификацию действий которого нельзя ограничивать только холистической оценкой *schlecht*. Но общая оценка является в то же время облигаторным компонентом семантической структуры любого существительного, называющего порицаемые аспекты жизнедеятельности адресата: *Das ist Verrat! Die Truppe ist noch gut für 24 Stunden Häusekampf (Noll) = Das ist Verrat und das ist schlecht.* Частнооценочные существительные

называют признаки внешности, душевные качества, способности и т. п., они представляют собой либо слова, в которых сема отрицательности присоединяется к различным вещественным семам, (ср.: *Jammerlappen, Rotzjunge, Unglücksmensch, Frechling, Flittchen, Feigling, Lump, Lümmel, Dickschädel, Sturschädel, Wilder, Vaterlandsverräter, Nutte, Luder, Speichellecker* и т.д.), либо или существительные, со словарно закрепленным вторичным оценочным значением, выявляющимся в соответствующем лексическом окружении (*Schwein, Sau (Topsau), Rindvieh, Bock, Biest, Teufel*, *Gespenst* и др.). Примеров высказываний с такими существительными великое множество, они варьируются в зависимости от степени эмоциональности, социальных ролей, интеллектуального уровня говорящего, но во всех случаях они квалификативно характеризуют адресата, например: *Blödmann. Ich leide (Kürthy)* – оценочное существительное в функции предикатива; *Ich muss schon sagen, dass ich das Theater <u>mit euch Rotzjungen</u> langsam satt habe (Noll)* – оценочное существительное в роли предложного дополнения, называющего адресата как причину своих неприятностей/

Но чаще всего названные категории существительных в оценочных номинациях адресата просто сопровождают порицание, являясь его эмоциональным «фоном», сигналом психологического состояния говорящего, своего рода эмоциональной лакмусовой бумажкой. например: *Wo ist William? <u>Sie Lümmel</u>, Sie sind einfach verschwunden! Und Ihre Bebsy weint den ganzen Tag! (Konsalik).* Такие номинации мы называем порицательными или ругательными вокативами, В них персонифицируется осуждаемое действие или поведение, качественная характеристика при этом либо называется прямо (*Frechling, Schlampe, Feigling, Speichellecker, Flittchen, Verbrecher, Vaterlandsverräter: <u>Sie – Sie Frechling.</u> Jetzt weiß ich, was hinter Ihrer angeblichen Leutseligkeit steht. Sie wollen Geld machen mit anderer Leute Kinder (Brehm)*) либо замещается образами-заместителями в переносном значении, которые усиливают экспрессию (*Gans, Teufel, Gespenst, Sau*): *Fünfzig Kniebeugen, das Gewehr in*

Vorhalt, ich bring Ihnen bei, wie man mit einer Waffe umgeht, Sie hohläugiges Gespenst! (Noll).

В высказываниях, где оценка передается при помощи существительных в переносном значении, оценочный эффект достигается в результате нарушения семантического согласования: происходит перенос общего признака с объекта первичного наименования на объект вторичного наименования, например, адресат порицания <...> *Und du Rindvieh gehst hin und hängst dich an die Tochter des Chefs. Kreuzdonnerwetter, ich sollte dir wirklich eine kleben! (Konsalik)* оценивается говорящим как недалекий человек, не думающий о будущем и о последствиях своих поступков. Ему приписываются характеристики соответствующего животного, который в немецкой языковой культуре представляется большим и сильным, но не обладающим выдающимся умом. Актуализация оценочного признака в словах этой группы приводит к изменению их синтаксической функции: референтные (идентифицирующие) имена переходят в предикативные (характеризующие). Ярким доказательством сказанному является употребление разных квалифицирующих прилагательных в роли атрибутов при таких существительных: при употреблении существительного *Rindvieh* в первичной функции его могли бы определять прилагательные *stark, teuer, gut, rassig*. В порицаниях данное существительное сочетается с прилагательным *himmelhoch*, которое эмоционально характеризует степень глупости адресата: *Himmelhohes Rindvieh, du darfst doch nicht sagen, es soll weh tun, du musst sagen, es tut weh! <...> (Noll).*

В качестве порицательного вокатива возможно и использование существительных с синтаксически обусловленными оценочными значениями. Они не имеют в семантической структуре семы оценки, однако в определенном контексте, находясь в предикативной позиции, выполняют оценочную функцию. Механизм возникновения оценки в таких случаях обусловлен тем, что существительные с семантикой, далекой от ярко выраженной качественности, могут осмысливаться как совершенно определенные квалитативные единицы, то есть как прагматические единицы. Например,

порицание солдата на учениях за неосторожность: *Vetter, werden S wohl liegenbleiben! Sie san tot! Tot san Sie! Sie depperte Leich, Sie depperte! (N-H, 140).* Коммуникативной функцией приведенного высказывание не является унижение партнера, поскольку порицающий офицер искренне расположен к юным солдатам, переживает за их ошибки, которые могут в иных обстоятельствах стоить им жизни - номинация *Leiche* эмоционально указывает солдату на то, что в боевых условиях его уже не было бы в живых. Значит, мы с уверенностью можем определить это высказывание как отрицательную квалификацию действий ее адресата, эмоционально «приправленную» порицательным вокативом *Sie depperte Leich, Sie depperte!*

Обращает на себя внимание функционирование в качестве порицательного вокатива широкозначного существительного *Ding*, которому исследователь соответствующих слов английского языка Х. Шмид дал метафорическое название «слов-раковин» (*shell nouns*) [Schmid 2000: 30]. Он рассматривает их как своего рода пустые контейнеры, в которые в благоприятных для раскрытия «створок раковины» условиях, то есть в определенном контексте, как жемчужина вкладывается прагматическое содержание высказывания - в порицании это информация о пренебрежительном эмотивно-оценочном отношении говорящего к адресату (называние партнера неясным, расплывчатым «нечто» возможно только при полном отсутствии уважения и любви к нему). Сочетание нейтрального по характеру существительного *Ding* с оценочными атрибутами отрицательной коннотации усиливают степень пренебрежения, эмоционально заряжают его: *Nur Ärger hat man mit dir, du ungeratenes Ding (Brehm).*

В категории частнооценочных существительных следует отметить группу, выражающую отрицательное эмотивно-оценочное отношение говорящего к адресату или к его поведению посредством синтаксической деривации имени с помощью эмоционально окрашенного суффикса *–erei (-elei).* Такая деривация сопровождается переосмыслением значения имени за счет приращения оценочного смысла: *Diät – Diäterei, Kind – Kinderei, Dusel –*

Duselei, хотя, строго говоря, рассматриваемый суффикс не является оценочным. Дериваты такого рода полярно меняют свою исходную нейтральную семантику и приобретают отрицательно-оценочное значение неуместного, бесполезного и/или неумеренного действия, которое и порицается говорящим: *An dieser ganzen Diäterei kommen mir allmählich Zweifel (Graham)* – порицание за неумеренное применение различного рода диет; *Wenn du wieder so eine verrückte Idee hast, dann such dir einen anderen! Von deiner Humanitätsduselei hab ich genug <...> (Noll)* – порицание за излишнюю, по мнению говорящего, гуманность по отношению к военнопленным.

Основой производных слов с суффиксом *–erei* может быть и оценочная номинация адресата (например, *Drückeberger)*. В этом случае значение деривата не меняется полярно, он становится собирательным именем, обозначающим поведение адресата, и выражает отрицательно оцениваемое качество адресата более интенсивно, поскольку приобретает еще и дополнительное значение видо-временного (аспектного) плана (повторяемость проявления отрицательно оцениваемого свойства адресата), а также выражает эмотивно-оценочное отношение говорящего (презрительное пренебрежение): *Mensch, Wolzow, diese Drückebergerei... (Noll).*

Этот беглый, обусловленный кратким рамками статьи, анализ позволяет, однако, сделать вывод о большой частотности употребления существительных для выражения порицания, что объясняется большей яркостью, конкретностью и, следовательно, экспрессивностью оценочного признака, выраженного существительным. Основная функция оценочных существительных — предикатная (характеризующая) - они используются говорящим не столько для идентификации предмета речи, сколько для выражения своего отношения к данному предмету.

Библиографический список

1. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопр. методики родного языка, лингвистики и стилистики. – М., Л., 1930.

2. Schmid H.-J. Englich Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. – Berlin: de Gruyter, 2000.